

ЖЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Женский детектив, занимающий существенное место в предпочтениях современного читателя, неоднократно становился предметом внимания критиков и исследователей литературы. Контекст, в котором рассматривается женский детектив, разный. М.Л. Черняк в своих публикациях и итоговой монографии «Массовая литература» (2009) [7] пишет о нем в связи с развитием массовой литературы в России в конце XX в., Л.Д. Гудков - осмысляя состояние сегодняшнего литературоведения. «...Я наткнулся на тщетные усилия ввести в филологию "новые" темы и проблемы, уже обсуждавшиеся философами, психологами, социологами. Не знаю, как на других, а на меня материалы круглых столов, конференций такого рода производят угнетающее впечатление разговора глухих. Не просто нет общего языка, а нет языка разговора о современности. Иногда (в последнее время все чаще) желание "быть как все", не отставать, заставляет литературоведов-организаторов искать "свежие и актуальные" темы, которые на проверку оказываются интеллигентскими пошлостями, эхом работы специалистов из других дисциплин» [1]. По мнению автора статьи, современное состояние литературоведения свидетельствует о его глубоком кризисе. Среди его причин - отказ от «реагирования на актуальные (в самом строгом смысле слова, т.е. соотносимые с прагматическим уровнем действия) проблемы, вопросы, коллизии, антиномии ценностей, идей или нормативных (в том числе и идеологических) представлений у носителей культуры» [1]. Несмотря на остроту высказанных в этой публикации замечаний, не все из которых могут быть признаны справедливыми, в ней сформулирована мысль о плодотворности обращения к «тривиальным фактам повседневности»: «будничному языку, клишированной речи персонажей суб-, пара-, псевдо-, масс- и т.п. "литературы"» [1].

В современной критике возникает и другой контекст. Б.В. Дубин полагает, что сформировались определенные группы «потребителей» литературы, которые могут быть представлены в следующем виде: «...публика толстых журналов и "проблемной" литературы, читатели привычных авторов, получивших признание в 1970-80-х годах (В. Маканин, Л. Петрушевская) или даже ранее (Ф. Искандер) и, как правило, сначала печатающихся сегодня в толстых журналах, а затем выпускающих книги. Чаще всего эту публику составляют люди старше 40, а нередко и старше 50 лет. Проблема классики, канона, "ядра", "высокого уровня", противостояния масскульту, собственно говоря, значима - как идеологическая! - только для этой группы, входит в ее самоопределение, как-то дебатруется» [2]. Во вторую группу могут быть отнесены, по мнению автора статьи, молодые люди до тридцати, получившие высшее университетское образование, бывающие в литературных клубах или

на презентациях. Они выбирают книги для чтения, опираясь на мнения, высказанные в интернете, глянцевого журналах и пр., чтение является элементом стиля их жизни, в котором непременно являются посещение кино, выставок, презентаций, концертов, клубов. «Эта публика, - отмечает Б.В. Дубин, - ориентирована на моду, интегрирована механизмами моды, и канон здесь - это модный канон. В него входят несколько сенсационных и "раскрученных" российских писателей, примерно того же возраста, и, в большей степени, переводная новейшая литература, прежде всего - западная, плюс японская (Харуки Мураками) и еще один-два "модных" региона (Турция - Орхан Памук)» [2]. Однако самый знаительный слой читателей, становящихся покупателями большей части книжной продукции, это «наиболее многочисленные и анонимные, в этом смысле - массовидные читатели жанровой литературы, серийных и сравнительно дешевых книг карманного формата в мягких обложках, которые продаются на улицах и вокзалах городов по ходу движения и в местах скопления оседлого и приезжего городского населения. Для них канон если и существует, то лишь в виде общей ценностной рамки, полученной при обучении в школе и демонстрируемой в ситуациях культурной неполноправности (как удостоверение своей грамотности, нормальности, культурности и прочего)» [2]. Автор статьи полагает, что названные им группы читателей не существуют изолированно друг от друга, они могут пересекаться, принимать модели поведения иной группы в отношении к одному тексту.

Читатель, живущий в российской провинции, а также на постсоветском пространстве и выбирающий книгу, написанную по-русски, может реагировать на модный текст несколько иначе, позднее по времени, чем в столицах, однако в целом разграничение читательских групп сохраняется. Таким образом, женский детектив может рассматриваться как предназначенный для определенной группы читателей.

Современный женский детектив рассматривается критикой и в ином контексте - времени его появления. Н. Иванова полагает, что в конце 1980-х гг. читатель получил огромную свободу выбора произведений, которую ему обеспечивали, прежде всего, «толстые» журналы. «Лучшее, что было накоплено русской литературой по обе стороны государственной границы за семь с лишним десятилетий существования ограничителя публикаций - советской власти, - появилось именно в журналах» [4]. Время навестывания упущенных возможностей, роста журнальных, а затем и книжных тиражей, повышенного интереса ко всему, что говорится и печатается, сменилось «нарастающим общественным раздражением, ощущением потери темпа. Но не только. Дело еще и в том, что столь желанная гласность, возможность наконец не под одеялом прочесть "Доктора Живаго", как оказалось, не принесла качественных сдвигов в жизни. Наступает период разочарования в тех ценностях, на которых базировалась деятельность "либеральных" литературных изданий. Период разочарования - и равнодушия; общество начинает уставать от

непродуктивного повторения и пробуксовки» [4]. В такой социокультурной обстановке возникают первые произведения А. Марининой.

Н. Иванова цитирует в своей статье высказывания деятелей европейской литературы и культуры, которые осмыслили феномен успеха писательницы. Так, по словам А. Вишневого, «Маринина не только пишет детективные романы, но и отвечает на вечные вопросы. Автор относится к своим читателям как добрый и опытный учитель к ученикам, которые нуждаются в поддержке, подсказке и направлении на верный путь. Оптимистичная и практичная в своей дидактике, Маринина ставит перед собой вопрос "как жить" и старается помочь читателю найти свой путь к лучшей жизни в сегодняшнем мире. Своими детективами Маринина пишет современный роман "воспитания чувств": основная цель автора - воспитание посредством развлечения» [4]. В Петрова видит в детективах А. Марининой возможность отдохнуть от опостылевшей реальности за книгой, написанной просто и доступно, погрузиться в занимательный сюжет и прожить жизнь с узнаваемым героем, «человеческая вменяемость, сила и "слабость" следователя Каменской, способность читателя(-ницы) к сопереживанию и "примериванию" Каменской на себя, идентификация с героиней» [4]. Немаловажным фактором успеха является «серийность» ее произведений, воспринимаемая как стабильность в противовес постоянно меняющейся действительности.

В. Штаддер отмечал также совпадение по времени вхождения писательницы в литературу и изменения читательских предпочтений. «Чтение "низких" жанров, традиционно ранее рассматриваемое как занятие несерьезное, иногда даже постыдное, в высокообразованных слоях (и даже в сверхутонченных группах), получает неожиданную реабилитацию. В новом, возникающем в этот период типе чтения у той категории читателя, для которой и чтение, и книги имеют иное функциональное значение, "высота" (или "низость") вообще не имеет значения. <...> В условиях эрозии единого литературного процесса складываются разные литературные "миры", но читательские предпочтения детективной литературы устойчивы в разных группах: с высшим образованием или без оно» [4]. Н. Иванову удивляет такой интерес к произведениям А. Марининой. Она обращает внимание на последние произведения писательницы, которая, в сущности, оставив детективы, взялась за семейную сагу («Тот, кто знает»). Резко критикуя эту книгу, критик приходит к выводу, что в ней ясно выражается русская ментальность. Не случайно доклад, с которым Н. Иванова выступала на конференции в Париже в 2001 г., называется «Феномен Александры Марининой как отражение современной российской ментальности». В печатной версии Н. Иванова дала ему иное название: «Почему Россия выбрала Путина: Александра Маринина в контексте современной не только литературной ситуации» (2002). Таким образом, в процессе обсуждения возникает и еще один контекст: женский русский детектив и национальная ментальность.

А. Зорич, учитывая все названные аспекты, добавляет к ним и гендерный. Он пишет, что жанровый состав всей женской прозы располагается между «полярными» жанрами женского любовного романа и романа криминального как между левой и правой скобкой. «Анализ книжного спроса и предложения, - пишет критик, - позволяет нам обнаружить, что эти скобки не могут быть определены как чисто маргинальные. Напротив, это - магистрали, которыми следует литературный рынок и, между тем, существует опасность, что в ближайшем будущем эти скобки-магистрали превратятся в ширококолейный путь, с которого паровоз феминно-ориентированного книгоиздательства и книгописательства сойдет, лишь добежав до конечной станции» [3]. Автор статьи полагает, что криминальный роман, написанный женщиной, имеет жесткую внутреннюю структуру, которая применима, по его мнению, к любому тексту этой жанровой разновидности: «... женщина убивает (протагонист женщина-маньяк), наказывает (оскорбленная невинность реализует "женскую месть"), надзирает (протагонист женщина-следователь) в борьбе за идентификацию себя как женственной женщины посредством отделения, деривации мужчины, который выступает как мучимый, преследуемый, жертва. <...> В описанном ландшафте разворачивается перформанс, подчиняющийся закону статической динамики: женщина-преступница (она же женщина-следователь) совершает сюжетные действия (преимущественно убивает и расследует убийства), но в силу отсутствия сколько-нибудь убедительных рефлексий над полем акций и аморфности, нескладности языка имеющих рефлексий, действия убийцы, как и действия следователя, не образуют событийного космоса, но остаются хаосом» [3]. Как представляется, пренебрежительное отношение автора статьи к женскому творчеству в целом, сопоставление женского романа с образцами «высокой» литература задают контекст, в котором сложно делать достоверные выводы о специфике женского детектива.

Е Николаева полагает, что женская литература обладает несомненной культурной ценностью, кроме того, в ней отражается женская ментальность, являющаяся «такой же полноправной частью отечественного литературного процесса, как и литературное творчество мужчин. <...> исследование женской литературы позволяет избавить восприятие истории культуры от однобокости, неизменно возникающей в обществе, пропагандирующем одну и ту же систему нравственных ценностей, норм и правил (в данном случае, патриархальную)» [6, с. 3]. Потому для изучения женского детектива нужен иной контекст, дающий возможность выявить как его своеобразие, так и его место в современной литературе. Как справедливо отмечает Н. Мельников, «"высокая" литература, равно как и "массовая", - изменчивые величины литературной системы. Они не сводимы к некоему незыблемому и неизменному единству (в том случае, если понимать их как обозначение ценностного литературного "верха" или "низа"). Эти величины претерпевают порой кардинальные изменения в своем составе и по-разному интерпретируются сторонниками

противоборствующих литературных школ и направлений» [5]. Для полноценного осмысления специфики женского детектива, таким образом, недостаточно оценочных суждений. Его рассмотрение с историко-литературной точки зрения дает возможность судить о нем как о социокультурном феномене, свойственном той или иной эпохе. В женском детективе отражаются приметы современной действительности, формируется такой образ реальности, который, по словам Г. Пономаревой, «формирует мотивационные и поведенческие стратегии читающих групп населения через и посредством создания иерархии ценностных предпочтений и имиджевых статусов. Массовая литература, в рамках которой ведущим до сих пор остается детективный жанр, фиксирует те тенденции в смене общественных настроений, которые уже становятся типическими, определяющими рамки социальной и личностной идентификации, социальных и личных приоритетов» [5].

Таким образом, в современной критике обнаруживается несколько аспектов, плодотворных для осмысления женского детектива. Один из них связан с необходимостью обращения современного литературоведения к новым темам и новым именам. Другой - с функционированием этого вида женского творчества как литературы, адресованной самому широкому, не всегда взыскательному читателю, читателю массовому. Такой подход предполагает решение нескольких проблем, в том числе, определения специфики женского письма, ментальное™ и пр. Плодотворным является изучение женского детектива с точки зрения отражения в нем социокультурной ситуации начала 1990-х гг., времени экономического подъема и периода экономического кризиса. По нашему мнению, именно в детективах А. Марининой, Т. Устиновой и Е. Михалковой заложены некие образцы, маркирующие образ жизни, статус, планы, представления определенных социальных групп или сред на разных этапах развития общества. Несмотря на многочисленность произведений писательниц-женщин, работающих в этом жанре, определяющим для выбора именно этих имен становится «популярность», измеряемая в нашем случае численностью тиражей. С этой точки зрения не только доминанты творчества А. Марининой, Т. Устиновой и Е. Михалковой, но и количество их книг, купленных читателями, дают возможность судить об особенностях социокультурной ситуации трех названных периодов. Однако эта тема требует отдельного изучения.

Литература

1. Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема. Для кого? / Л.Д. Гудков // Новое литературное обозрение. - 1997. - № 22. Электронный ресурс. Режим доступа к статье: <http://magazines.mss.ru/nlo/1997/22/gudkovp-pr.html>.
2. Дубин Б. Между каноном и актуальностью, скандалом и модой: литература и издательское дело в России в изменившемся социальном пространстве / Борис Дубин // Неприкосновенный запас. - 2003. - №4(30).

Электронный ресурс. Режим доступа к статье: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/dubm.html>.

3. Зорич А. Два образа трансценденции в женском русскоязычном романе / А. Зорич. Электронный ресурс. Режим доступа к статье: <http://www.zorich.ru/articles/b06.htm>.

4. Иванова Н. Почему Россия выбрала Путина: Александра Маринина в контексте современной не только литературной ситуации / Наталья Иванова // Знамя. - 2002. - №2. Электронный ресурс. Режим доступа к статье: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/2/iv.html>.

5. Мельников Н.Г. Массовая литература / Н.Г. Мельников // Библиотека Тол-Эрессеа. Электронный ресурс. Режим доступа к статье: <http://eressea.ru/tavem7/019-0006.shtml>.

6. Николаева Е.А. Женское литературное творчество в России как воплощение особого ментального типа: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. культур, наук.: спец. 24.00.01 «Культурология» / Е.А. Николаева. - Саранск, 2005. - 16 с.

7. Черняк М.А. Массовая литература XX века: уч. пособие / М.А. Черняк. 3-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 432 с.

Анотація

І.К. Піменова. Жіночий детектив: текст і контекст.

У статті вдеться про осмислення жіночого детективу у сучасній критиці. Автори статей пропонують декілька контекстів, в яких було б доцільно вивчати цей соціокультурний феномен. Найменш плідними є намагання зневажливого протиставлення жіночого роману «високій» літературі, продуктивними - розглядати його як відображення зразків, які маркують спосіб життя, плани, уявлення суспільних груп на різних етапах розвитку суспільства.

Ключові слова: жіноче письмо, ментальність, соціокультурна ситуація.

Аннотация

И.К. Пименова. Женский детектив: текст и контекст.

В статье речь идет об осмыслении женского детектива в современной критике. Авторы исследований предлагают несколько контекстов, в которых было бы целесообразно изучать этот социокультурный феномен. Наименее плодотворными являются попытки противопоставления женского романа «высокой» литературе», продуктивными - рассматривать его как отражение образцов, маркирующих образ жизни, планы, представления социальных групп на разных этапах развития общества.

Ключевые слова: женское письмо, ментальность, социокультурная ситуация.

Summary

I.K. Pimenova. Female detective story: text and context.

The article speaks of the perception of the female detective story in modern criticism. The researchers offer several contexts that would be appropriate for examining this sociocultural phenomenon. Attempts to oppose the female novel and the "elite literature" are the least fruitful; productive ones are those that examine it as a reflection of ideals creating the image of life, as plans and representations of social groups at different stages of social development.

Keywords: sociocultural situation, female detective story, mass literature, readers' requests.